

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР

СООБЩЕСТВА, ИНСТИТУТЫ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД.

ЕВРАЗИЯ ПОСЛЕ 1991 ГОДА

(Калькутта, 22–24 февраля 2010 г.)

О.А. Донских

Новосибирский университет
экономики и управления

Данный обзор представляет содержание докладов международного семинара на тему «Общества, институты и «переход» в пост-1991 Евразии», состоявшегося в Калькутте в феврале этого года. В нем отражены различные мнения и подходы к политическим, экономическим и социальным проблемам, возникшим после перестройки в центре евразийского континента.

22 – 24 февраля в Калькутте состоялся международный семинар на тему «Общества, институты и «переход» в пост-1991 Евразии», он был совмещен с двумя международными симпозиумами «Миграция и демография в Азии» и «Буддизм в Азии».

Впечатления очень разные и противоречивые. Разные, потому что общение с большим количеством интересных людей не может не быть любопытным и в интеллектуальном смысле многоплановым. Тем более, что в семинаре принимали участие ученые как с индийской, так и с русской стороны, а также специалисты из других стран, включая страны Центральной Азии, Японию, Канаду, Францию, США.

Задачу данного обзора я вижу в том, чтобы представить (хотя бы и кратко) панораму мнений и подходов к политическим, экономическим и социальным проблемам, возникшим после перестройки в центре евразийского континента.

Встреча была организована научным Институтом азиатских исследований имени Мовлана Абул Калам Азада (одного из «отцов нации», борца за независимость Индии, первого председателя Индий-

ского национального конгресса, министра образования в независимой Индии в 1948–1958 годах). Нынешний директор Института профессор Х.С. Васудеван видит миссию своего института в том, чтобы исследовать сложнейшие процессы, идущие в огромном евразийском регионе. Это и проблемы национальной идентификации в среднеазиатских республиках, и экономические проблемы, включая как глобальные, так и локальные (например, проблема этнических рынков), и политические, и религиозные... Не случайно наряду с докладами очень общего порядка были доклады очень конкретные. И такой подход абсолютно оправдан. Дело в том, что отделить чисто экономический аспект от социального, а социальный от религиозного, часто невозможно. Духовный рост часто сопровождается экономическим. Строительство демократических институтов невозможно без учета традиций той или иной страны.

Тема семинара – специфика переходного периода. Он может быть как кризисным, так и относительно плавным, коротким и затяжным, но это всегда драма для народа

той страны, которая переживает подобное. Правильно говорит древнее китайское проклятье: «Чтобы жить тебе в эпоху перемен!».

Основное внимание было уделено странам Центральной Азии (тем, которые входили в СССР и составляли «Среднюю Азию») и их отношениям с соседями.

В свое время оксфордский географ и один из основателей геополитики сэр Хэлфорд Джон Маккиндер (в 1919–1920 гг. был английским представителем в России) в работе *Geographical pivot of history* (1904) ввел понятие *Heartland* – плохо переводимое на русский как «сердцевинная земля». Это и есть центральная часть Евразии, которую он считал главной территорией в мировой политике. В другой работе он сформулировал свой основной тезис следующим образом: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; Кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); Кто контролирует Мировой остров, тот командует миром». (Правда, позже он выдвинул идею иной мировой оси – Хартленд (СССР) – США.) Ключевую роль Евразийского пространства (ось Германия – Россия – Япония) анализировал другой знаменитый геополитик Карл Хаусхофер.

Хотя на семинаре геополитика как таковая не рассматривалась, сама постановка вопроса о том, как сейчас формируется баланс сил на евразийском пространстве, явно или неявно присутствовала во многих докладах. И я бы сформулировал основную мысль как необходимость построения новой геополитической системы в ответ на быстroteкущие в настоящее время процессы.

Дело в том, что самоопределение национальной идентичности, с одной стороны, требует выявления того, что данная нация может манифестировать в мире как свое уникальное, а, с другой стороны, заставляет определяться со своим местом в мире, а это означает соответствующую ориентацию и политическую игру. Любая центрально-азиатская страна должна определить свое отношение не только к таким игрокам евразийского поля как Россия, Китай, Индия, Арабский Восток, но и к объединенной Европе и США.

Благодаря сочетанию общих и частных докладов обращение к историческому и национальному прошлому начинает рассматриваться сквозь призму общих геополитических процессов и глобализации в целом.

Общие вопросы рассматривались в докладах проф. **П.А. Даша** (Университет Мумбая, Индия) «Тройной переход в Евразии» и проф. **С. Сингха** (Университет Джавахарлала Неру, Нью-Дели) «Деконструкция Евразии: перспективы новой геополитики». Оба исследователя считают, что необходим полный пересмотр старых геополитических концепций. Проф. Даш говорил: «Уходящая система должна проложить дорогу новой системе, находя свое продолжение среди ошеломляющих изменений, и она должна быть одобрена как правительствами, так и народами». Особое место в его анализе настоящей ситуации (которая оценивается как хаос) отведено России, занимающей северную часть континента. Он говорил об уникальности российской культуры, о том, что на все, чего бы Россия не коснулась, она накладывает печать своеобразия. «Все, что эта страна делает, от картошки до космических летательных аппаратов, испытывается Россией в ее собственном стиле, первоначально

ориентируясь на ту пользу, которую это может принести ей, а затем на то, как это может обогатить мир. Веками она служила источником альтернативных моделей не только в политике, но и также в развитии экономики, искусства, театра, стратегии ведения войн, научном поиске и исследовании космоса». В качестве особенностей переходного периода проф. Дап называет следующие факторы: 1) поток иностранного капитала, 2) частный бизнес, предпринимательство и приоритет денег, 3) необходимость преодолевать те силы, которые поддерживались семьдесят с лишним лет, 4) утрата марксизма-ленинизма в пользу капитализма и глобализации, 5) государства, которые начали строить свои системы безопасности и политические институты, впервые за 200 лет перестали ориентироваться на Россию, 6) местные предприниматели и политики столкнулись в непривычной для них борьбе, поскольку советское покрывало перестало существовать. Дальше проф. Дап прослеживает трансформацию в экономике, политике и идеологии.

Проф. Сингх на материале одного из наиболее динамично меняющихся регионов мира – потерявшей советский контроль Евразии – рассматривает вопрос о том, умерла ли старая геополитика, уступив место новой с такими ее концепциями как глобализация (Фридман), микрочипы (Гилдер) или геоэкономика (Луттвак).

Подъем Китая и Индии, оживление американо-российских, американо-китайских, американо-индийских, американо-иранских связей явно ослабляет цитированный выше тезис Маккиндера. Старая игра России и Британии в этом регионе стала куда более сложной, неожиданно придав значение некоторым новым и при-

вычным старым игрокам и сделав США наиболее влиятельной внешней силой, не считая других влияний. Евразия обращается как бы в театр абсурда. Растущее планирование энергетических ресурсов, паранойя по поводу исламского фундаментализма, авторитарные лидеры и романтические видения шелкового пути, историко-культурные связи наряду с экзотической едой и приключениями. Если прибавить к этому новые темы, включая права человека и экологические проблемы и деятельность организаций, стоящих над государствами... Некоторые ученые возвращаются к старой геополитике, находя ее опору в государствах, тем не менее формирующийся контекст заставляет искать перспективы Евразии в русле парадигм и перспектив новой геополитики.

Доктором **Д.А. Махапатрой** был представлен доклад «Центральная Азия: парадигмальный сдвиг и конфигурация власти». Все игроки евразийского региона с их региональными и глобальными интересами могут быть разделены на два лагеря. Россия является лидером традиционалистов, которые хотят сохранить старые сферы влияния, и, соответственно, пытается восстановить свое влияние в данном регионе. Другой лагерь возглавляют США и Союз Европы, которые хотят ограничить российское влияние и вовлечь в орбиту своих интересов. Этот регион имеет огромный энергетический потенциал, стратегическое местоположение, он является театром действия террористов религиозных фундаменталистов и наркодельцов, все это, конечно, принимается во внимание. Кроме этих блоков важную роль начинает играть Китай, свою роль также играют Иран и Турция. Однако динамика развития в 2009 году демонстрирует, что когда Обама начал вос-

становливать нормальные отношения с Россией, перспективы создания совместной конфигурации безопасности, по крайней мере теоретически, выглядят вполне реальными, хотя, конечно, практически здесь возможны серьезные осложнения.

Несколько докладов были посвящены российской специфике. Проф. **В.А. Ламин** говорил о типологии российских кризисов, исходя из идеи, что в России кризисы случаются регулярно на рубеже веков. Это относится к Смутному времени начала 17 века, петровским реформам начала 18 века, правлению Павла I и, конечно, событиям начала 20 века. Так или иначе они ориентировали последующее развитие страны на индустриализацию и определенный поворот к Западу (за известными исключениями).

В своем докладе «До- и пост-советское: роль жестких социальных форм» автор этих строк обосновывал свою идею о том, что исторически Россия представляла культуру, не отлившуюся в цивилизационные формы, тогда как Советский Союз, напротив, дал образец цивилизации (жестких форм, которые можно было пересаживать в любые другие регионы мира) без укорененности в культуре, что представляло собой трагедию для обеих сторон (которые в норме должны соответствовать друг другу, образуя целостность). Это объясняет, почему так легко советское потерпело крушение, и в то же время позволяет объяснить, почему и насколько тяжело России обрести идентичность, тем более в условиях отсутствия времени. Из четырех «проектов», которые Россия исторически пыталась в той или иной степени и форме реализовать (проект «Третьего Рима», западнический, славянофильский и евразийский), два практически

исключены, западничество имеет еще довольно значительные силы в поддержку, но уже потеряло лидирующие позиции. Только евразийство еще имеет определенные шансы на продолжение.

Серия докладов была посвящена фактически тем же темам, но изнутри, — как проблема идентичности, остро возникшая в результате обретения независимости, видится со стороны отдельных этносов, стран и регионов.

Фархад Толипов в докладе «Досоветская, советская и пост-советская Центральная Азия: пример Узбекистана» представил результаты анализа сложившейся в регионе ситуации. Перестройка, принесшая политическую независимость, заставила в поисках идентификации обратиться к национальному прошлому. И здесь возобновились, например, споры между узбеками и таджиками о том, кто первый — арийцы или тюрки — пришли в данный регион. Не случайно 2006 год был объявлен в Таджикистане Годом арийской культуры. В то же время анализ показывает, что обращение к так называемой «исторической справедливости» не обязательно означает возврат к досоветским политическим и социальным структурам. Непрерывный ход истории был прерван процессом советизации в недавнем прошлом, а сейчас — глобализацией. Поэтому идеология «досоветизма» служит задачам мобилизации национального сознания и укрепления легитимности существующего политического строя. В свою очередь, советское наследие не может быть просто отброшено, оно выступает в качестве основы, которая позволяет отдельным сообществам, индивидам и представителям властных структур поддерживать путь модернизации и двигаться вперед. А пост-советизм представляет

собой парадоксальное явление: он одновременно означает как де-советизацию, (т.е. стирание следов царистского колониального и советского прошлого и ослабление исторической памяти), так и ресоветизацию (так называемый «советский синдром») в форме советского стиля руководства, пропаганды, мобилизации людей и надзора за ними. На эти процессы накладывается противоречивый процесс роста исламизации страны и формирования и роста демократических институтов. Автор полагает, что в ближайшем будущем эти процессы или примут определенные формы сосуществования или начнется борьба между исламской идентичностью и демократическими формами государственного строительства. И таким образом мы окажемся свидетелями «столкновения цивилизаций» внутри одной нации.

А. Мурзакулова в своем докладе «Идеологические споры в контексте переходного периода (случай Киргизстана)» говорила о том, что хотя после распада СССР начало было похоже у всех стран Центральной Азии, дальнейшее развитие пошло весьма по-разному. В отличие от Туркменистана, Узбекистана и отчасти Казахстана, где идеология стала частью государственной политики и профессионализировалась, в Киргизстане она остается открытой, поскольку здесь по ряду причин невозможна монополия на идеологию. Азель отставала идея, что дебаты по поводу тем национальной и государственной идеологии в ситуации формирования новой системы отношений между государством и обществом являются естественными, поскольку касаются понимания свободы и социальной справедливости. Предварительные выводы из интервью, проведенных с предста-

вителями различных слоев населения, показали, что отдельные регионы и разные слои населения живут в принципиально отличающихся духовных мирах – это относится к северу и югу страны, к старому и новому поколениям. Государственные институты пока не способны контролировать страну в целом. Именно эта ситуация определяет поиски новой идеологии, которая объединила бы весь Киргизстан.

Продолжая эту тему, проф. **О.В. Бураева** в докладе «Этническая и религиозная идентичность на пограничье культур» говорила о том, что, «как показал опыт распада СССР, Югославии, а ранее Османской империи, Австро-Венгрии, Индии и др., люди расходятся именно по национальным и религиозным «квартирам», даже если они не особенно глубоко верующие или вовсе неверующие, воскрешаются историко-культурные традиции, которые, кстати, эксплуатируются в своих интересах сепаратистами и националистами». Результаты этносоциологического исследования в сельских районах этнической Бурятии, где проживают представители свыше ста национальностей, показало, что при активном межкультурном взаимодействии на первое место выходит проблема этнической идентичности. Это определяется рядом причин. Во-первых, среди множества социокультурных групп этнические являются наиболее устойчивыми во времени. Поэтому на этнические связи проще всего опереться отдельному человеку. Во-вторых, чувство нестабильности окружающего мира является результатом многообразных и разнокачественных контактов. Поиск чего-то постоянного и упорядоченного заставляет опираться на то, что проверено временем, а это в первую очередь именно этнические связи. Имен-

но здесь формируется солидарность, базирующаяся на общих ценностях и позволяющая более уверенно ориентироваться в меняющемся мире. В-третьих, непрерывность передачи и сохранения ценностей является законом развития любой культуры, поскольку человечеству необходимо воспроизводить и регулировать самое себя. Соответственно, для каждого человека этническая идентичность означает принадлежность к определенному этносу с его специфическими ценностями и обычаями, с его религиозными практиками. Именно поэтому этническая идентичность крайне важна для межкультурной коммуникации. Этничность в первую очередь маркируется языком, и понятно, что большинство говорящих на определенном языке относит себя к соответствующей этнической группе. Религия стоит на втором месте по важности, тесно переплетаясь с этничностью. В то же время здесь соотношение верующих и неверующих иное. Так, 35,8 % русских отнесли себя к верующим, а 35,5 % – к неверующим. У бурят это соотношение – 49,3 % к 37,5 %. У эвенков – 68,4 % к 15,8 %.

Эти же процессы, но уже на монгольском материале представила **Ц.П. Ванчикова** в докладе «Буддизм и современные религиозные процессы в пост-социалистической Монголии». Монголия традиционно являлась буддийской страной и в течение десяти лет (с 1911 по 1921) вообще представляла собой теократическое государство, в котором не признавались другие религии. В конце 1920-х гг. в стране был 941 буддийский монастырь, и они все были закрыты к концу 1930-х, а ламы (их было 115 тыс.) подверглись поголовным репрессиям. Только в 1944 году было разрешено открыть один монастырь – Гандан-

тедженлинг, в котором в конце 1980-х гг. проживали около 100 лам. В девяностые годы прошлого столетия начинается религиозная реставрация. Появляется Союз монгольских буддистов, появляются религиозные партии, такие как Демократическая партия монгольских верующих. Народный хурал одним из первых актов принял закон о восстановлении монастырей. В Конституции Монголии появилась статья, что государство охраняет церковь, тогда как церковь выражает уважение государству, причем буддизм признан в качестве первенствующей религии. И уже в 1991 году в стране было 60 монастырей. В настоящее время в монастырях и других буддийских объединениях более 2500 лам. И они благодаря деятельности Далай-ламы и некоторых других иерархов связаны со всем миром. Основные проблемы, которые затрудняют процесс религиозного возрождения, – отсутствие опытных монахов, которые могли бы готовить себе достойную смену; недостаток координации между разными религиозными объединениями; недостаток опыта работы в изменившихся условиях и жесткая конкуренция между различными миссионерскими организациями. Наряду с буддизмом в Монголии можно встретить шаманизм и христианство. Шаманы также имеют свои организации (на настоящее время их 6) и некоторые шаманы официально зарегистрированы в Министерстве юстиции. Но большинство практикуют неофициально. По некоторым данным в качестве шаманов были иницированы более 700 человек. Таким образом, сейчас можно наблюдать две тенденции – возрождение традиционной религии и проникновение новых религиозных учений и практик.

Д-р. **Шарад Сони** представил доклад «Монголия после 1991 – парадигма мирного демократического перехода». После 70 лет коммунистического правления в Монголии начались перестроечные процессы, которые к началу 1990-х гг. привели к повлечению оппозиционных групп, расколу внутри правящей партии и движению против коммунизма, ответственного за положение страны. В мае 1990 года из конституции была убрана статья, признающая правящую партию лидирующей общественной силой, был создан учредительный хурал, введен пост президента. Уже в июле этого же года прошли выборы на многопартийной основе, где правящая партия получила 85 % голосов. Но реформы продолжались. 12 февраля 1992 года была принята новая конституция, конституция президентской республики. За очень короткое время произошли радикальные изменения в политической и социальной сферах, которые, в свою очередь, привели к кардинальным изменениям в монгольской экономике, т.е. страна пережила «шоковую терапию». Были произведены приватизация, валютная реформа и либерализация цен и зарплат. Монголия, в отличие от других стран Центральной Азии, сумела стать не авторитарным, а действительно демократическим президентским государством, когда реальные парламентские дебаты решаются с помощью компромиссов, учитывающих интересы разных социальных групп. В 1996 году коалиция оппозиционных партий сумела выиграть большинство мест в парламенте, а затем маятник качнулся в сторону коммунистов, сумевших в июле 2000 года опять получить подавляющее большинство. А уже в 2004 году места разделились поровну между коммуниста-

ми и коалицией других партий, и т.д. То есть несмотря на известные трудности, Монголия показывает реальное действие демократических принципов. Монголия объявила себя безъядерной зоной и вынуждена находить баланс между интересами таких ключевых игроков на территории Евразии как Китай, Япония, Россия и США, опираясь на принцип неприсоединения. В то же время Монголия дала понять как России, так и Китаю, что она не будет сателитом ни того, ни другого государства. В то же время она реализует серьезные экономические проекты, предлагаемые этими странами, к своей выгоде. Монголия также получила существенную военную и экономическую помощь от США. Американское агентство международного развития, начиная с 1991 года, предоставило Монголии грантов на 173 млн долларов. В Монголии находится 600 волонтеров Корпуса мира. Предполагается дальнейшая финансовая помощь со стороны США. В целом можно сказать, что Монголия достигла серьезных успехов в политической сфере, но для того, чтобы стать развитой страной в экономическом отношении ей понадобится еще немало времени.

В докладе «Национальная культура в контексте глобализации» **А. Юраев** рассматривал ситуацию в Таджикистане. Дело в том, что Таджикистан фактически впервые формирует свою культурную политику. И происходит это в условиях глобализации. И получается, что с одной стороны идет активный поиск национальной идентичности, национального самосознания, возрождение национальных символов, обычаев и традиций, а с другой – идет проникновение западной культуры с такими ее ценностями как либерализм, приватизация,

личная свобода. И этих два разнонаправленных процесса определяют становление таджикской культуры. В результате разные слои общества по-разному отвечают на вызовы времени, в частности, на внешние влияния. Ведь Таджикистан имеет богатые культурные традиции и они сейчас в чести. В то же время не ясно, каким образом потенциал информационных технологий будет совмещаться с теми качественными характеристиками глобализации, которые негативно влияют на традиционную культуру. В то же время для страны существует опасность оказаться в культурной изоляции. Поэтому, несмотря на возможные негативные для культуры последствия, движение по пути освоения новых технологий неизбежно. Необходима тонкая политика, позволяющая процесс глобализации успешно сочетать с возрождением традиционной культуры.

Разговор о проблемах таджикского общества продолжила д-р **Н. Бхаттачарья** в докладе «Миграция и гендерные проблемы: опыт пост-советского Таджикистана». На материале исследования того, что происходит с семьями в условиях, когда мужчины вынуждены на долгое время уходить на заработки в Россию и другие страны бывшего СССР. В России работает (по разным оценкам) от 600 тыс. до миллиона таджикских рабочих (из них четверть – в Москве), в основном в строительной индустрии. Дело в том, что в России средний месячный заработок составляет до 300 долларов США против среднемесячных 12 долларов в Таджикистане. Деньги, которые они посылают домой, составляют от 20 до 50 % ВВП страны. Но 600 тысяч – это 18 % взрослого населения, наиболее работоспособного. Вот результат одного из исследований,

где были опрошены 34 домохозяйства – 12 глав семей регулярно находятся за границей. Обычно они возвращаются домой ежегодно на два месяца, но некоторые уже не были дома по 5–6 лет. И это накладывается на тяжелое наследие гражданской войны 1992–1997 гг. Таким образом, женщины вынуждены растить детей без отцов, долгие разлуки часто приводят к распаду семей, не говоря уже о том, что личные земельные участки не могут быть нормально обработаны. Например, женщина 25 лет получает телефонный звонок от своего мужа, и он сообщает, что разводится с ней после 4 лет женитьбы. После этого он посылает по мобильному телефону одно слово «талак», что в суннитской традиции означает развод. И несмотря на то, что Таджикистан долго жил по советским законам и такой развод юридически неправомерен, в отсутствие супруга никакой защиты женщина от государства получить не может. Таким образом, общество в Таджикистане находится сейчас в весьма опасном состоянии, и это касается далеко не только политических проблем.

О проблемах переходного периода в Киргизии на конкретных примерах скотоводческих хозяйств говорили **Б. Исаков** и **И. Сахин**. Именно пастушеские семьи оказались в очень трудном положении, поскольку в советское время чабаны считались элитой и, работая в колхозах и совхозах, получали высокую зарплату. Кроме того, ответственность за работу была хорошо распределена между различными специалистами. Перестройка кардинально поменяла ситуацию. Земля и животные перешли в частные руки. Но пришлось перестраивать работу, опираясь только на поддержку ближайших

родственников. Государство до сих пор не способно помогать своим гражданам (в деревнях высших чиновников в лучшем случае видят, когда они приезжают на охоту или на рыбалку). Если в советское время племенная и клановая структуры существовали лишь в качестве чувства причастности, сейчас они выходят на первый план. Появляются новые формы бизнеса. И. Сахин рассказал, как недалеко от деревни Суусамир возник «Париж». Один из жителей деревни купил зимнее укрытие, которое в советское время снабжалось электричеством, холодной и горячей водой, а после перестройки оказалось заброшенным. Это укрытие расположено рядом с дорогой, проходящей по долине и раньше использовавшейся для транспортировки скота. Там он начал продавать продукты проезжающим. Бизнес оказался прибыльным. К нему присоединились другие, поставили рядом юрты. Они начали украшать домики лампочками и красивыми вывесками, чтобы привлечь покупателей. Соответственно, они сами покупают скот у соседей. Бизнес развивается, вовлекая все большее число людей.

Представитель Канады **Ф. Нурмохамед** представил результаты полевого социологического исследования в Хороге (Таджикистан). Применение теории социального капитала позволяет пристальнее взглянуть на процесс перехода от социалистического к пост-социалистическому обществу и оценить акторов, практики, структуры и системы. До сих пор нет общепринятого определения социального капитала, однако можно сказать, что он относится к способам создания ресурсов в рамках социальных отношений и социальных сетей. Эти ресурсы могут затем

быть определенным образом инвестированы как индивидами, так и группами для получения материального и нематериального дохода. В Хороге, столице горной и полуавтономной Бадахшанской области Таджикистана, наиболее характерные для социалистической эры социальные практики претерпели существенные изменения. Так, например, в советское время, если кто-то обращался за *кирьяром*, семья, соседи, друзья приходили на помощь обратившемуся и строили для него, часто давая свои материалы, традиционный дом. Сейчас практика *кирьяра* в Хороге быстро исчезает, хотя и сохраняется практика коллективных ассигнований для строительства общественных зданий (школ, молитвенных домов). В другом случае, напротив, обычай, называемый *хутхой* – совместные коллективные обеды для нуждающихся как форма подаяния – совершаются чаще и более открыто, чем в советское время.

Проф. **М.Н. Болдано** в своем докладе «Взаимодействие этнокультурных и этнополитических процессов в России в 90-е годы (на примере Всебурятской ассоциации развития культуры (ВАРК))» исследовала вопрос о том, насколько политическая сфера жизни (включая борьбу за власть и природные ресурсы) влияет на культурную (язык, традиции, история) и наоборот. В 90-е годы прошлого века этнокультурные процессы в Бурятии протекали весьма бурно – резкие подъемы активности сменялись падениями. Причем, естественно, происходит обращение к рубежу 19–20-го вв., когда Бурятия вступила на путь модернизации. На идеологическую сцену выходят модифицированные варианты панмонголизма, переосмысливается проблема возникновения Бурятии

в контексте исторического значения империи Чингиз-хана. Появление и идеологическое оформление ВАРК продемонстрировало, что вопросы культуры неизбежно связаны с политическими. Панмонголизм понимается, в частности, как стремление к созданию единого монгольского государства, которое включало бы Монголию, провинцию Внутренняя Монголия, Бурятию, Калмыкию, Синьцзян-Уйгурский автономный район и Тыву, что позволило бы объединить исторически разобщенный народ в единую независимую страну. В то же время сторонники панмонголизма разработали несколько различных политических проектов. В любом случае проблема национального суверенитета стала в начале 1990-х гг. ключевой. В это время возникает Бурят-Монгольская народная партия. В это же время появляется и ВАРК, которую возглавляет председатель Союза художников Бурятии Д. Дугаров, выдающийся борец за возрождение национальной культуры. Тем не менее в начале 1990-х обсуждаются, в первую очередь, вопросы политического порядка и уже в конце 1990-х годов, когда политические бури стихают, на первый план начинают выходить вопросы культурного возрождения и строительства. В нашем веке появляются новые профессиональные и любительские фольклорные ансамбли, пишутся театральные пьесы и киносценарии, посвященные бурятской истории и культуре, не говоря о других замечательных произведениях искусства, отражающих этнические и исторические мотивы Бурятии.

Влияние других стран на процесс идентификации рассмотрел в своем докладе «Между исламом и секуляризмом: религиозная политика Турции в тюркских республиках Центральной Азии и Кавказа»

Байрам Балчи. Турецкое влияние он исследует в трех аспектах: официальная политика Турецкой республики, братские движения, связанные с Турцией, а также «местные» официальные или частные моменты. Автор доклада указывает, что несмотря на общую атеистическую политику советского государства ситуация вовсе не была простой: многие официальные лица, публично декларируя атеизм, вполне толерантно относились к практике обрезания, похоронным ритуалам, паломничеству к определенным святым местам. Можно отметить такой факт: в Азербайджане в середине 70-х, когда гонения на религиозной почве были особенно суровыми, местный мулла Мехмет Хесен Ширкеви смог опубликовать *тефсир* комментариев к Корану и заниматься с учениками. В 1993 президент Алиев (всегда работавший в КГБ) совершил хадж в Мекку. Ислам Каримов, еще будучи партийным лидером, посетил гробницу Баауддина Накчибенда в Бухаре и выделил деньги на ее восстановление. Ваххабитское влияние впервые обнаружилось у тех молодых людей, которых еще в советское время посылали в зарубежные арабские страны для изучения ислама. Поток таких студентов резко увеличился после перестройки. Большинство мусульманских стран – Саудовская Аравия, Иран, Пакистан, Турция – поддерживали миссионерские движения, пропагандировавшие различные модели ислама, характерные для этих стран. Парадоксально, но наиболее сильным влиянием пользуется светская Турция. Обычно считается, что она пытается навязать свою модель, однако в действительности ситуация гораздо сложнее, и речь должна идти о нескольких моделях и разных способах влияния. Дело в том, что Турция реализует многофакторные

моделю воздействия на вновь образовавшиеся независимые государства, чтобы предотвратить их включение в сферу влияния воинствующих шиитов или ваххабитов. Значительную роль играет движение, вдохновленное учением Саида Нурси и по-разному продолженное его последователями, наиболее выдающимся из которых является Мухаммед Фетхуллах Гюлен. Соответствующие миссии появились в советских республиках еще до распада СССР. Уже после перестройки появились журналы, знакомящие детей и молодежь с идеями Нурси. В начале нашего века они стали переводиться на русский. Появился, например, журнал «Золотородник». Официальная Турция через различные организации поддерживает религиозную жизнь в этих республиках. Так, Турецкий директорат религиозных дел поддерживает деятельность отдельных крупных мечетей в Туркменистане, Киргизстане и Азербайджане. Они подражают османскому стилю, и туда назначаются имамы из Турции. Министерство по делам религий Турции (Диянет) открывает теологические колледжи, библиотеки, распространяет религиозную литературу. Оно же основало так называемый Евразийский религиозный совет. Он включает в свой состав религиозных деятелей Кавказа, Центральной Азии, России, Балкан, собирается раз в два года в разных странах, включая турецкую часть Кипра. Он организует исламское сотрудничество всех этих стран с целью гармонизации их религиозной деятельности и совместного празднования важнейших исламских праздников. Все это проходит под знаком гегемонии Турции в данном регионе. Конечной целью турецкой политики является не столько религиозное пробуждение данных стран, сколько пре-

дотвращение возможности радикализма и враждебности к Турции.

С обзорным докладом «Новые тенденции в Восточно-Азиатской геополитике» выступил проф. **Б.В. Базаров** (соавтор доклада – Н.И. Атанов).

Появление новых тенденций в трансграничном взаимодействии Китая со своими соседями определяется жесткой стратегией, которая варьирует лишь в зависимости от политических и социально-экономических особенностей отдельных государств. При этом реальный потенциал взаимобмена далеко не достигнут. Анализ современного состояния торгово-экономической кооперации дает возможность сделать вывод, что она служит больше решению экономических проблем Китая, а не России и Монголии. Так, например, Китай готов строить перерабатывающие фабрики на российской территории при условии, что работать будут китайские же рабочие. Таким образом здесь очевидный курс на примитивную эксплуатацию природных ресурсов, но никак не ведет к созданию высокотехнологичных производств и инновационному развитию Дальнего Востока и Сибири. В свою очередь Китай преследует в своем развитии следующие цели: получить доступ к Восточно-Сибирским и Дальневосточным минеральным богатствам и трубопроводам, чтобы сделать их способом решения экономических проблем Северо-Восточного Китая; приобрести наиболее ценные ресурсы в сфере, открытой для иностранного инвестиционного капитала; гарантировать лидирующие позиции крупных китайских компаний в экономике этого региона сравнительно с российскими компаниями и компаниями других стран; превратить северные и северо-

сточные провинции Китая в высокоразвитый, богатый и привлекательный оазис. Подобная политика реализуется и в отношении Монголии. Неэквивалентный обмен и снижение уровня развития приграничных регионов России и Монголии становятся решающим фактором некоторых скрытых тенденций и служат новой стратегией Китая.

Ряд докладов был посвящен отдельным экономическим проблемам, включающим взаимодействие на межгосударственном и межэтническом уровне.

Проф. В.И. Дятлов в докладе «Этнические рынки» пост-советской эпохи: механизм снабжения, институт, социальный организм» представил результаты исследования такого важного для современной России явления, как этнические, в частности «китайские», рынки. В действительности это вполне малоизученный феномен. Через них пошли колоссальные потоки товаров, и они стали предметом жестокой конкурентной борьбы. «Концентрация мигрантов и их деловой активности на рынках сделала их в глазах окружающих «этническими» — «китайскими», «азербайджанскими», «кавказскими» или «среднеазиатскими». И в этом своем качестве они из хозяйствующего субъекта и снабженческой структуры превращаются в важный элемент общественной жизни, предмет общественно-политических дискуссий и инструмент политического манипулирования». Именно таким образом «Китай вошел в российские города, в их обыденность и повседневность, стал неотъемлемой составной частью экономической жизни, быта, общественного сознания. Это важнейшее место встречи цивилизаций и культур». Вокруг рынков сформировалась своя инфраструктура, включившая и значительное количество

местных жителей. На примере иркутского рынка, который в просторечии назывался «Шанхай», автор показывает, как он формировался, как он обрастал связями, становясь все более и более важной частью экономики города. И когда встал вопрос о его закрытии, оказалось, что это сделать практически невозможно. Китайские предприниматели открыли торговый комплекс «Пекин» и рынок «Манчжурия». Вывод автора: «Китайский бизнес пришел в Россию навсегда. Он будет меняться, приспосабливаться к экономической и политической конъюнктуре, но не уйдет. Он уже перестал быть чужеродным для экономической и общественной жизни России, стал своим и необходимым. Теперь это неотъемлемая часть российской социально-экономической системы».

Тему китайско-российских торговых отношений в другом аспекте продолжила **Н.П. Рыжова** в докладе «Неформальные кросс-граничные обмены как реакция на институциональные изменения (случай российско-китайских приграничных регионов)». Ключевой тезис доклада — «одной из основных реакций экономических агентов (фирм и населения) на институциональную динамику в приграничных контактных зонах стало развитие неформальной трансграничной экономики». Открытие границы в конце 1980-х гг. показало, что какие-то формальные и даже неформальные правила практически отсутствовали, и до середины 1990-х гг. бартерные сделки составляли до 98 % от общего числа сделок. Затем начинается период централизации внешнеэкономической деятельности. Однако если в Китае существует отработанная система законов, регулирующая приграничную торговлю, то в России до сих пор этот вопрос за-

конодательно не отрегулирован. Поэтому развиваются различные формы теневой экономики. В силу этого, а также ряда других причин статистика российская и китайская показывают существенное расхождение: так, согласно данным китайской статистики, общая стоимость экспорта подрядно-строительных работ и услуг по поставке строительных рабочих из провинции Хэйлунцзян в регионы РФ составила в 2006 году 195 млн долл. «Однако общая сумма импорта услуг (транспортных, туристских, строительных и всех прочих) ДФО из КНР составила всего 47,6 млн долл. То есть разрыв между китайскими и российскими статистическими данными как минимум четырехкратный, но если учесть, что транспортные услуги составляют основную долю всего импорта услуг, то это несоответствие еще больше». Автор анализирует разные теневые схемы в таких сферах как логистические услуги, общественное питание, лесное хозяйство, строительная деятельность, добыча полезных ископаемых. При этом централизация внешнеэкономической деятельности привела к тому, что сейчас через Москву совершается больше сделок, чем во всех приграничных районах. В Китае же, напротив, торговля осуществляется именно через приграничные районы. Автор приходит к выводу, что такая стратегия, с точки зрения эффективности пресечения неформальной кросс-границной активности, и успешности, с точки зрения решения проблемы диспропорций экономического развития, принципиально неэффективна.

Проф. **В.Ю. Малов** представил доклад «Оценка конкурентоспособности транспортного коридора «Север – Юг», который может рассматриваться в качестве

альтернативы Суэцу. Целью проекта является «активизация участия нашей страны в развитии экономик стран Прикаспийского региона. Одновременно этот коридор должен улучшить и удешевить связи России со странами Персидского залива, Южной и Юго-Восточной Азии, а также обеспечить развитие транзитных евроазиатских перевозок по отечественным транспортным коммуникациям. Основное направление коридора: Финляндия – С.-Петербург – Москва – Астрахань – Каспийское море – Иран – страны Персидского залива – Индия». Анализ показывает, что этот коридор может быть весьма перспективным способом доставки грузов в европейские страны, поскольку монопольное положение Египта позволяет ему диктовать свои условия, и Европа ищет способы диверсификации транспортных потоков. Однако есть ряд принципиальных трудностей, без преодоления которых данный коридор не сможет эффективно конкурировать с другими способами доставки грузов. Так, необходима согласованная политика всех стран, по территории которых пойдет транспортный поток. Это и тарифы, и организация перевалочных пунктов, и т.д. Усилий одной страны, в частности России, недостаточно, чтобы начать отнимать часть грузопотока у Египта. «Только совместные усилия России и Ирана обязательно в совокупности с желанием иранских и российских транспортных компаний увеличить объем перевозимых грузов может частично изменить будущие предпочтения грузоотправителей из Индии, Пакистана, Саудовской Аравии и т.п. направить грузы по коридору «Север – Юг». Но если это удалось бы сделать, то на рынок Германии и скандинавских стран товары могли бы пойти гораздо более коротким путем, чем морской путь сейчас. Учи-

тывая объемы торговли между Европой и Азией, достигающие 800 млрд долл. США в год, стратегическое значение коридора «Север – Юг» не может недооцениваться.

Нельзя не упомянуть о двух специальных больших докладах, которые были включены в программу вне рамок тематических заседаний.

Особенности политической структуры независимых государств рассматривал в отдельном докладе д-р **Kimitaka Matsuzato** в докладе «Логика полупрезидентализма в пост-советской политике». Он обосновывал идею, что для формирующихся независимых государств характерна такая форма как «дезинтегрированный полупрезидентализм» (disintegrated semi-presidentialism), являющаяся антиподом известных форм президентских республик. Таковую смешанную (полупрезидентскую или президентско-парламентскую) республику считают самостоятельной формой правления, наряду с парламентарной и президентской. Так, за исключением России (с ее конституционными изменениями в 2008 году) другие пост-коммунистические страны в этом веке ориентировались на процедурах назначения премьер-министра и формирования кабинета, которые характерны именно для смешанной республики. Это Молдова в 2000 году, Украина в 2004, Армения в 2005, Нагорный Карабах в 2006. Дезинтегрированными эти режимы можно назвать в силу того, что отношения между ветвями власти не отлажены до конца и определяются конкретной политической ситуацией, но в то же время они достаточно пластичны, чтобы избежать кризиса, подобного тому, который Россия пережила в период противостояния президента и парламента.

Причины такой популярности дезинтегрированного полупрезидентализма опре-

деляются, во-первых, тем, что пост-коммунистические страны так или иначе до определенной степени возвращаются к тому, что было в прежние годы. То есть, к той диархии в области исполнительной власти, которая была для тех характерна. Во-вторых, к этому ведет парадокс президентско-парламентского республиканского строя. К этому ведет ситуация, когда режим меняется от менее демократическому к более демократическому, но президент при этом не оказывается простым исполнителем парламентских решений. Напротив, президент выполняет весьма важную роль при формировании кабинета, как это показывают примеры Литвы и Украины. В-третьих, к этому ведет противоречие, характерное для президентско-парламентского режима: если президент избирается парламентом и при этом продолжает пользоваться серьезной конституционной властью, то такой президент не может избираться простым большинством; а если президент должен избираться, например, тремя четвертями парламента, такого большинства добиться практически весьма сложно, и место президента подолгу оказывается вакантным. Это вынудило двигаться в сторону смешанной республики Словакию и Молдову.

Второй большой доклад был сделан известным индийским ученым проф. **М. Палатом** «Николай Рерих: художник и мессия». Жизнь Рериха показана на фоне духовных исканий рубежа 19–20 вв. Анализ картин и рисунков Рериха, его писем и других материалов позволил проф. Палату представить очень содержательный очерк поиска счастья для всего человеческого рода. Николай Рерих был утопистом, искал путь совершенствования человеческих существ в первую очередь через внутреннюю трансформацию, а не

через внешние революции. Он был убежден в возможности восстановления потерянного рая, который он помещал в Центральной Евразии или Внутренней Азии, в том месте, которое считал ареной разрешения мирового конфликта. Он преследовал свои донкихотские амбиции устройства этого земного рая на бесперспективных территориях между Сибирью и Гималаями, совсем как его современники надеялись построить социалистический земной рай на не менее бесперспективных просторах отсталой России. Рерих был настроен хилиастически и мессиански, рассматривая себя как привратника, открывающего человечеству двери в этот рай. Он был скорее оккультист, нежели мистик или религиозный деятель, и он был символистом в своей манере передачи смыслов. Он писал свои видения, свои открытия во время путешествий по пустыням и горам, свои дорожные переживания и беды, бесконечных пророков, визионеров, мудрецов, махатм и святых, у которых были какие-то

сведения о Святой Земле, и вел других за ними. У Рериха до сих пор большое число последователей. Его взгляды могут казаться странными, но нельзя отрицать яркий смысл его художественных произведений, которые производят неизгладимое впечатление.

В данном обзоре не представлены некоторые интересные доклады, которые были посвящены темам, не относящимся прямо к заданной проблематике (например, доклады, относящиеся к проблеме Ассама, а также поднимающие некоторые частные религиозные темы).

Несомненно, такие семинары имеют как научное, так и важное политическое значение, объединяя ученых разных стран, и необходимо выразить добрые чувства руководству Института азиатских исследований имени Мовлана Абул Калам Азада за проводимую работу.